

УДК 821.111.09-3+929Хилтон

Образ России в «Рыцаре без доспехов» Джеймса Хилтона

И. В. Кабанова

Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ivk77@hotmail.com

На фоне моды в английской путевой прозе 1930-х гг. на отчеты о путешествиях в Россию впервые рассматривается образ России в романе английского писателя Джеймса Хилтона «Рыцарь без доспехов» (1933). Развлекательный роман полузабытого автора противостоит в этом плане политизированной путевой прозе, сочетая в образе России общие стереотипы западной культуры о России с рядом оригинальных оттенков в смысле образа и способа его создания.

Ключевые слова: образ России, Джеймс Хилтон, шпионский роман, пространство, национальный характер, история.

Russia in James Hilton's *Knight Without Armour*

I. V. Kabanova

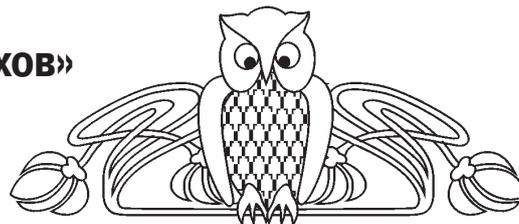
Irina V. Kabanova, <https://orcid.org/0000-0003-3545-2763>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ivk77@hotmail.com

Against the vogue for Russia in British travel books of the 1930s, the paper brings back to light James Hilton's novel *Knight Without Armour* (1933), set mainly in Russia in Revolutionary years. This entertainment novel is shown to lack the excessive political stance on Russia found in the travel genre of the period. Hilton creates a nice balance between general Western stereotypes of Russia and his individual vision, thus normalizing the reception of Russia for Western reader.

Keywords: image of Russia, James Hilton, spy novel, space, national identity, history.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-65-70>

Конец 1920-х – начало 1930-х гг. – пора дипломатического признания СССР со стороны Великобритании (1929) и США (1933), пора учреждения «Интуриста» (1929) для организации поездок западных туристов в Советскую Россию, пора активизации деятельности Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), пропагандировавшего успехи Советского Союза среди зарубежных деятелей науки и культуры. Среди факторов, обуславливающих беспрецедентный рост интереса широких кругов западного читателя в этот период к опыту русской революции, к реалиям советской жизни, на первом месте следует назвать экономический кризис 1929 г. и его последствия. Великая депрессия 1929–1939 гг. заставила многих англичан усомниться в действенности их модели ры-

ночной экономики и либерального государства и обратить внимание в качестве возможной – а для некоторых неизбежной – альтернативы на социалистическое планирование и государство диктатуры пролетариата, которое возникло в России. Мировой экономический кризис, больно ударивший по миллионам людей по обе стороны Атлантики, создал благоприятную почву для роста популярности социалистической идеи и страны, где, как тогда казалось, эта идея торжествовала, наглядно воплощалась в реальность.

Не следует также недооценивать успешность советской пропаганды на Западе, которая искусно формировала образ СССР как страны, разрешившей все самые острые для западного общественного мнения проблемы: Советская Россия изображалась как общество, покончившее с эксплуатацией, создавшее всеобщее подлинное равенство на основе коллективного владения средствами производства; здесь нет места безработице, разрешены религиозный, национальный и женский вопросы, здесь самые справедливые в мире законы. Но главный подспудный тезис советской пропаганды, столь привлекательный для кризисного сознания Запада, – в Советской России возник «советский человек», небывалый в истории тип личности, цельный и свободный, лишенный мучительной внутренней борьбы, унаследованной современным западным сознанием от христианства. Правда о коллективизации, о цене индустриализации, о внутренних последствиях сталинского тезиса об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма, о голоде и лагерях замалчивалась, а в ряде случаев, когда она прорывалась на страницы западной прессы, западные корреспонденты в Москве выступали с ее опровержениями.

После 1929 г. в Россию устремился поток визитеров с Запада – общественных деятелей, писателей, просто любопытствующих, многие из которых по возвращении публиковали книги и брошюры об увиденном. Документальные свидетельства о Советской России составили отдельный поджанр в британской путевой прозе 1930-х гг.¹ Это были либо отчеты официальных делегаций профсоюзов, представителей местных рабочих и молодежных ассоциаций, либо впечатления о краткой поездке по утвержденному «Интуристом» маршруту, либо ангажированные, тенденциозные памфлеты, в которых русский материал служил авторам только аргументом для утверждения их политических взглядов. В свою

очередь, эти репортажи повышали меру актуальности советского опыта для Запада.

Относительно малочисленными были романы на русском материале, поскольку роман требует иной степени погружения в материал, более глубокого проникновения в описываемую действительность, чем это доступно туристу или человеку, путешествующему с профессиональными целями. Роман, как правило, имеет более глубокое и длительное воздействие на читателя по сравнению с документальными жанрами, больше влияет на формирование читательских представлений и стереотипов. Историки литературы 1930-х гг. обычно говорят о малой эстетической ценности «русской» путевой прозы, коллективно упрекая ее авторов в том, что они впопыхах спешили присоединиться к новейшей интеллектуальной моде, проявляя при этом политическую наивность или идеологическую незрелость². Тем более в этих работах редко упоминаются полузабытые сегодня романы о России, поскольку, согласно общепринятому мнению, только А. Кёстлеру удалось раскрыть глаза англоговорящего мира на ужасающую правду о Советской России в романе «Слепящая тьма» («Darkness at Noon», 1941). Тем любопытней взглянуть на однажды выходившие и более не переиздававшиеся английские романы о России, выпавшие из поля зрения историков литературы. Рассмотрим один из них – роман «Рыцарь без доспехов» («Knight Without Armour», 1933) Джеймса Хилтона. В центре анализа будет прежде всего смысловая наполненность образа России; при этом будут затронуты вопросы поэтики романа.

Джеймс Хилтон (1900–1954), автор двадцати романов, восьми сборников рассказов и нескольких сценариев для Голливуда, лауреат премии «Оскар» за лучший сценарий 1942 г., был автором многочисленных бестселлеров. Два его романа переиздаются по сей день: «Прощайте, мистер Чипс» («Good Bye, Mr. Chips», 1934) и «Потерянный горизонт» («Lost Horizon», 1934). В последнем Хилтон создает вымышленную тибетскую страну Шангри Ла, название которой стало символом интереса к восточной эзотерике в западной культуре XX в. «Рыцарь без доспехов» принадлежит к периоду расцвета таланта Хилтона-романиста. В 1937 г. роман был экранизирован студией «Лондон филмз» ведущего британского кинодеятели десятилетия Александра Корды. Режиссером фильма выступил бельгиец Жак Фейдер, известный мастер кинематографа «поэтического реализма»; звезды первой величины Марлен Дитрих и Роберт Донат в главных ролях обеспечили фильму не только признание критики, но и кассовый успех. Широкая популярность фильма и романа объясняется, прежде всего, авантюрным сюжетом – английский шпион спасает русскую аристократку от ужасов революции и гражданской войны, а также тем, что роман вливается в актуальную дискуссию о Рос-

сии, сочетая стереотипность и оригинальность в изображении событий недавней русской истории. Поскольку Хилтон никогда не бывал в России, можно предположить, что сюжет и изображение России в романе многим обязаны фигурам по крайней мере двух британских разведчиков.

Исчезновение в России Сиднея Рейли в 1925 г. стало национальной сенсацией; в момент публикации «Рыцаря без доспехов» его судьба все еще не была прояснена. Обилие сенсационных публикаций о Рейли, особенно печатавшийся в газете «Ивнинг Стандарт» в 1931 г. комикс «Главный шпион» («Master Spy»), способствовало превращению Рейли в массовом сознании в прототипический образ английского шпиона, на который будет ориентироваться Йэн Флеминг при создании Джеймса Бонда. В 1932 г. появилась и нашумевшая книга Р. Г. Брюса Локхарта «Мемуары британского агента» («Memoirs of a British Agent»), рассказывающая о его участии в революционных событиях в России. Только для Рейли и Локхарта русская революция означала работу в столицах по свержению большевистского правительства, а для героя Хилтона, давно выдающего себя за русского, революция протекает в Сибири и Поволжье, в гуще русского народа. Хотя мы не можем однозначно утверждать, что Хилтон использовал эти источники, стоит отметить сходство отдельных имен и деталей в описании России у Хилтона с историями Рейли и Локхарта.

Роман начинается с некролога в «Таймс» от 19 октября 1929 г., извещающего о смерти в ирландском отеле на сорок девятом году жизни Эйнсли Джергвина Фозергилла, сына провинциального священника, выпускника Кембриджа, который в молодости был журналистом в Лондоне, но решил «искать счастья за границей» («to seek his fortune abroad»)³. После 1920 г., говорится в некрологе, он был связан с промышленностью и стал автором стандартного руководства по производству каучука на плантациях. «Fortune» – слово с двумя значениями; в контексте некролога оно скорее означает «состояние, богатство», поскольку далее речь идет о том, что Фозергилл разбогател на каучуке; но второе значение – «счастье», и это значение очень важно для интерпретации смысла русского опыта героя. За этим официальным подведением итогов вроде бы ничем не примечательной жизни следует обмен мнениями о покойном, после его похорон по католическому обряду, в баре ирландского отеля, где он провел последний месяц жизни. Хозяин отеля плохо отзывается о Фозергилле, потому что эта смерть не идет отелю на пользу и он всего раз заказал спиртное, а хозяйка прямо говорит о том, что он ухлестывал за другой постоялицей, молоденькой американкой, которая годится ему в дочери. Она обвиняет мать девушки, которая якобы хочет поймать для дочери богатого немолодого жениха, и тот факт, что американки съе-

хали в день кончины Фозергилла, для хозяйки является доказательством ее подозрений. Скучным заносчивым бизнесменом и стареющим ловеласом предстает герой в прологе к роману, с тем чтобы создавался более значимый контраст с его истинным обликом и родом занятий.

Далее повествование ведется как психологизированный, реалистический роман о жизни героя. Довольно подробно дана история его сиротского детства и жизни в лондонском доме богатого дяди, его средних успехов в школе и университете. Эй Джи (как он именуется в авторском повествовании, под каким бы именем ему ни приходилось выступать) начинает свой жизненный путь как застенчивый, несколько упрямый, очень симпатичный молодой идеалист, без особого призвания. Он подвергается краткому аресту за участие в акции суфражисток, и восьмидесятилетний дядя, накануне женитьбы на своей молодой секретарше, к которой герой испытывает романтический интерес, в последний раз дает племяннику денег, чтобы тот убрался за границу. Первая и последняя, «английские» части романа, отличаются более тонкой нюансировкой повествования по сравнению с тремя центральными, «русскими» частями.

Эйнсли попадает в Россию зимой 1904–1905 г. в качестве военного корреспондента лондонской газеты, и во время путешествия по Транссибирской железной дороге, и позже в Харбине и Мукдене он, не зная русского языка, чувствует себя среди добрых, непринужденных, смешливых русских взрослым среди детей. В день начала операции под Мукденом он заболевает дизентерией и, едва выжив, к концу своего пребывания в госпитале обнаруживает, что может общаться по-русски. Газета не намерена печатать его статьи, полные симпатии к русским солдатам, и отказывается от его услуг; на обратном пути в Европу Эйнсли, лишь бы не возвращаться в Лондон, принимает предложение случайного попутчика стать учителем английского языка в частной школе в Ростове-на-Дону. Четыре года спустя, уже в Петербурге, накануне высылки из страны по распоряжению охранки, в совершенстве овладевшего русским языком Эйнсли вербует английская разведка и внедряет его в революционное подполье под именем Петра Уранова. Его задача – ни во что не вмешиваться, просто информировать, но он оказывается замешан в дело о покушении на министра и без суда попадает в ссылку к северу от Якутска, откуда его через восемь лет освобождает Февральская революция. Основная часть романа повествует о приключениях Эй Джи на посту комиссара сибирского городка, где он пытается обеспечить жителям нормальную жизнь среди хаоса Гражданской войны, о его постепенно возникающей любви к важной пленнице, графине Марии Адраксиной, которую ему поручено доставить в Москву, и о том, как вместо этого они

пытаются бежать на Юг. Однако Дэли, как он зовет возлюбленную, умирает от тифа в Саратове, взяв с Эй Джи слово, что он вывезет из России маленькую княжну, родственницу Романовых, которую укрывают в Саратове верные слуги. На пути через линию фронта Эй Джи и девочка едва не погибают, их спасает Американская миссия помощи в России, которая отправляет ребенка в США в приемную семью, тогда как сохранивший документы о происхождении девочки Эй Джи покидает Россию летом 1919 г., воссоединяется с братом и становится управляющим на его каучуковой плантации в Малайзии.

В заключительной, пятой части романа Эй Джи через 23 года возвращается в Лондон, видится со вдовой своего дяди, узнает от доктора, что может умереть в любую минуту, и получает известие о том, что та, кого он разыскивает, с матерью в настоящее время находится в Ирландии. Здесь, подле девушки, которая не помнит ничего из своего русского детства и не подозревает, кто она такая, в которой он видит последнюю живую связь с Дэли, он принимает решение не выталкивать княжну в опасный мир большой политики и уничтожает документы о ее рождении. Эй Джи умирает абсолютно счастливым человеком.

Характер главного героя призван служить воплощением кодекса английского джентльмена, в котором за сдержанным, скучноватым фасадом скрывается умение глубоко мыслить и чувствовать. За кого бы герою ни приходилось выдавать себя в России – за студента Петра Уранова, за ссыльнокаторжного, за полковника Николая Андреева, за комиссара или простого крестьянина, за графа Адраксина, – окружающие всегда ощущают его внутреннюю силу, он вызывает уважение. Его героизм носит повседневный характер и заключается в следовании долгу человечности в любых обстоятельствах. Долгие периоды бездействия, духовного оцепенения сменяются у него необходимостью принятия решения в исключительных обстоятельствах; тогда он проявляет фантазию, знание человеческой природы, хладнокровие. Пятнадцать лет в России не делают из героя русского человека; Эй Джи – персонаж с достаточно условным внутренним миром. Интрига в романе также страдает известной ходюльностью: основная сюжетная ситуация сводится к формуле «рыцарь, спасающий даму в беде», только против беды такого масштаба, как революция, бессильны любые рыцарские доспехи. Ежедневный риск одновременно истощает Эй Джи и Дэли и заставляет их острее ценить красоту жизни, каждое мгновение, проведенное вместе.

Образ России в романе, однако, получился не просто экзотическим фоном для романтической истории. Разберем его подробнее.

Представление об огромности, бескрайней протяженности русского пространства – это общее место в западной идее России. Эй Джи в

романе впервые проникается симпатией к русским, путешествуя третьим классом на Дальний Восток, на театр военных действия русско-японской войны. Десять дней в поезде не дают в повествовании ни одной пейзажной зарисовки (напомним, Хилтон не бывал в России, пейзаж в романе минимален и шаблонно-символичен). На протяжении всего этого времени герой либо погружен в русскую грамматику, либо, пока не понимая языка, удивляется обходительности и юмору попутчиков, русских солдат, следующих на фронт. Транссибирская магистраль приковывала к себе воображение многих на Западе, о ней уже были написаны многочисленные английские и американские книги. Транссибирская железная дорога становится в центральных частях романа основной осью художественного пространства; автор упоминает не только реально существующие города (Иркутск, Красноярск, Екатеринбург), но и вымышленные городки романа располагаются вдоль Транссиба, или указывается, на каком расстоянии от него. Эта железная дорога в романе дает герою передышку по пути на каторгу, катапультирует его на обратном пути, как гоголевского Хлестакова, в кресло комиссара Временного правительства в Сибири, здесь происходит его сближение с Дэли. Интересно, что действие романа мало затрагивает европейскую часть России – эпизоды в Ростове-на-Дону, Петербурге, Саратове не содержат топографических деталей и описаний отличительных черт городов, железнодорожная сеть этой части страны не играет почти никакой роли в повествовании, потому что на последнем этапе своего пути герои идут пешком, а от Самары до Саратова двадцать дней сплавляются по Волге на барже, где прячутся среди груза бревен.

Длительность и затрудненность перемещений персонажей уже способствует созданию ощущения протяженности пространства. Автор к тому же использует множество подлинных географических названий с карты Российской империи, которые употребляют случайные встречные Эй Джи, рассказывая о своих скитаниях. Но основные события в романе происходят в вымышленных городках (Таркаровск, Халинск, Новародар), чьи имена образованы как созвучные реальным Хабаровску, Южно-Сахалинску, Павлодару. Все эти поначалу процветающие города подвергаются нашествию беженцев, погромам, переходят то к красным, то к белым, в каждом городке особым пространством выступает тюрьма, зона расстрелов. В конечном счете города означают для героев смертельную опасность. В деревнях, считает Эй Джи, люди добрее и менее склонны к предательству. Именно крестьяне, хуторяне, на протяжении романа неоднократно укрывают героев от погони, которая разворачивается то в сибирской тайге, то в лесистых уральских предгорьях. Лес со всеми его опасностями, однако, служит героям скорее убежищем,

любовным приютом среди всеобщей ненависти городов.

Пространство России в романе имеет имманентными свойствами холод, стужу, голод и болезни. Ничего уж не говоря об арктической стуже колымского поселения героя, повествование подчеркивает ценность для персонажей зимних обносков, пальто и шинелей, сапог и ботинок. Казалось бы, действие в романе равномерно покрывает смену времен года, но тепла весны и лета в нем нет, что создает впечатление крайней суровости жизни, вечной зимы. С момента своего ареста в Санкт-Петербурге герой романа познает то, на что он раньше не обращал внимания, – ценность еды. С началом революции голод становится нормой жизни, люди от него слабеют и тупеют. В попытках спастись от голода идет штурм поездов на Транссибирской магистрали; желая помочь истощенной попутчице, Эй Джи идет на кражу еды у пассажиров вагона первого класса и убивает человека, выбрасывающего еду в окно купе, лишь бы еда не досталась голодным. В городках, которыми ему приходится управлять, герой своей главной задачей видит организацию карточного снабжения продовольствием. Рука об руку с голодом идут болезни и эпидемии; на протяжении романа герой болеет дизентерией, холерой, тифом, которым заражается от Дэли, а та – от маленькой княжны. Мужчины русской аристократии в романе погибают от рук революционеров, их жены и дочери – от голода и болезней.

Казалось бы, уже в силу профессии героя Россия предстает в романе как пространство повышенного риска. Но это не обычные риски шпионского романа – риск разоблачения, провала операции. Эй Джи как разведчик в романе не активен, а, наоборот, пассивен. Он предупрежден, что в случае неприятностей британское правительство отречется от него; после ареста он утрачивает связь с британской разведкой и отныне полностью предоставлен самому себе. Эй Джи оказывается песчинкой, подхваченной потоком русской истории. После Колымы он испытывает бесконечную усталость, и к полноценной жизни его пробуждает только любовь. Риски России в романе – это, прежде всего, риски ее социального пространства, ее менталитета.

Автор представляет две точки зрения на русский народ. Первая основана на личных впечатлениях героя, отличается гуманностью, сочувствием, важно, что Эй Джи не встает в позу учителя, но авторское повествование выводит на первый план «детскость» русского народа: «Позже он стал видеть в этом периоде [в госпитале в Манчжурии] время, когда он впервые узнал Россию и русских. Начать с того, что он сильно продвинулся в языке. Никто из сестер и пациентов не знал английского, и после трех недель на больничной койке он начал относительно свободно общаться с ними. Больше всего

его поражала общая готовность помочь ему; он не мог себе представить, чтобы так обращались с иностранцем в лондонской больнице. Два его соседа были тяжело ранены, один в живот, другому ампутировали ноги, и оба с искренним удивлением учили его новым словам. Оба были среднего возраста, в тысячах миль на запад у них были жены и дети; оба принимали свою судьбу с фатализмом скорее удивленным, чем стоическим. Читать и писать они не умели, но когда Эй Джи читал им, запинаясь и с ужасным произношением, Гоголя, они зачарованно слушали. Они были очень религиозны и верили в приметы. Не имели понятия, почему их страна воюет с Японией, объясняли войну божьей волей. Ампутант не горевал, скорее, был озадачен. Все произошло так быстро, едва началось сражение; он не успел увидеть никаких врагов; как будто он уехал за семь тысяч миль от дома только затем, чтобы ему оторвало ноги. У него было смутное ощущение, что он чем-то лично обидел японцев. Но мстительного чувства он не испытывал. В палате был тяжелораненый японец, с которым все были очень вежливы и сочувственно говорили о нем между собой»⁴. Для героя русские – простые сердца, наивно открытые миру, привлекательные в своей органичности.

Противоположная точка зрения высказана богатым ростовским учеником Эй Джи, который предостерегает его: «Все они воры и негодяи. Мы это знаем, и они знают, что мы знаем. Они крадут все, что могут, не знают, что такое верность, лгут на каждом шагу. С ними надо обращаться, как с подонками, потому что они и есть подонки. В этом столько же их собственной вины, как и нашей»⁵. На реплику Эй Джи, что среди народа он видел обаятельных людей, которым доверил бы свою жизнь, ученик отвечает: «Хорошо, что не доверили. Очень может быть, что обаятельные, но спорю, что все-таки они разбойники и убили бы вас за гроши. У нашего народа нет морали – разве что внешняя веселость, которая так нравится иностранцам»⁶. Обе точки зрения подтверждаются дальнейшими событиями, разве что повествование подчеркивает национальную принадлежность особо жестоких комиссаров – «еврей». В русских в романе нет никаких особых признаков «славянской души», загадочности или мистицизма, среди них, как и среди англичан, встречаются люди разного склада. Их отличает от людей Запада только привычка к страданию, по сравнению с которым беды западного человека вызывают у героя тайную усмешку.

Роман совершенно необычно изображает события русской революции. Здесь нет специального социально-политического анализа, который подводил бы читателя к пониманию исторической закономерности происходящего, есть только ощущение остроты конфликта между народом и властью, неизбежности взрыва

при описываемой степени поляризации общества. Общая атмосфера беззакония, точнее, возведенного в закон произвола, создается уже в истории вербовки Эй Джи в Санкт-Петербурге, усиливается в описании первого ареста героя. В ссылке он полностью отрезан от цивилизации, ход истории для него прерывается. Весть о свержении царя доходит до Эй Джи в конце апреля 1917 г. Когда он в августе добирается до Иркутска, провожающие его выражают надежду, что «Керенский найдет ему работу в Петрограде»⁷. События Октябрьской революции застают героя в Халинске: «В течение октября беспокойство нарастало, ясно было, что Петроград ускользает из рук умеренных. Потом в ноябре пришла весть о большевистской революции, и в Халинске и подобных местах усилилась тенденция к анархии»⁸. Повествование последовательно следит только за судьбой царской семьи в Сибири, она служит единственным индикатором ступеней развития революции. Роман не упоминает поименно вождей революции, из белых назван только генерал Деникин. Революцию в романе осуществляют присланные из европейской части страны красноармейцы, вдохновляемые комиссарами-агитаторами. Им противостоят такие же безымянные, такие же разбросанные отряды белых и чехов, Гражданская война развивается как по видимости бесцельная чехарда перемещений мелких военных отрядов, сопровождающаяся арестами и казнями. Революция показана как тотальная катастрофа, с точки зрения ее невольного участника, который в обеих сторонах видит зеркальное отражение друг друга и отказывается принять чью-либо сторону. На Эй Джи влияет общая атмосфера обесценивания человеческой жизни, и до встречи с Дэли он готов принять любую судьбу, которая ему уготована. Но любовь заставляет его пробудиться к жизни, начать бороться за выживание, за будущее. Его отношение к России в финальной части романа окрашено благодарностью и ностальгией, только в этой стране он был настоящим жив.

Таким образом, в отличие от предельно политизированной путевой прозы о России 1930-х гг., роман Дж. Хилтона предлагает куда менее специальный, зато более уравновешенный взгляд на Россию начала XX в. как на готовый взорваться котел социального напряжения. Революция поэтому выглядит в романе логическим, неизбежным этапом русской истории. Но Хилтона мало интересуют общественные процессы, ему важнее частная жизнь персонажей, которых он изображает с данной ему в меру таланта реалистической достоверностью. Внешне не отличимый от русских, его герой-разведчик не вовлекается полностью в русскую жизнь, сохраняет свою английскую идентичность. Он стоит в романе «над схваткой» русской революции и Гражданской войны и действует исключительно в своих

личных интересах. Авантюрные эпизоды романа строятся на контрасте любви героев и окружающего их ужаса, постоянной угрозы смерти. Для английского и американского читателя роман, с одной стороны, являл знакомую, ставшую стереотипной Россию (необъятность пространства, мотивы холода, опасности, внутренней противоречивости, детскости народа), а с другой стороны, представлял Россию непривычную (действие не в столицах, в провинции, в полувымышленной Сибири, русские не как демоны или ангелы, а как обычные люди). Тем самым роман «Рыцарь без доспехов» внес свой особый вклад в нормализацию восприятия России в западном сознании не как исторической аномалии, а как страны со специфическим укладом и историей.

Примечания

- ¹ См., например: Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941. М., 2015.
- ² См.: *Cunningham V. British Writers of the Thirties. Oxford, 1988. P. 396–406.*
- ³ *Hilton J. Knight Without Armour. L., 1933. URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks10/1000051h.html> (дата обращения: 10.11.2019).* (Здесь и далее перевод наш. – И. К.).
- ⁴ Ibid.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Ibid.
- ⁸ Ibid.

Образец для цитирования:

Кабанова И. В. Образ России в «Рыцаре без доспехов» Джеймса Хилтона // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 65–70. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-65-70>

Cite this article as:

Kabanova I. V. Russia in James Hilton's *Knight Without Armour*. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 65–70 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-65-70>
